

—

Еще недавно я никакъ не могъ себѣ представить Петербургскаго жителя иначе, какъ въ халатѣ, въ кофакѣ, въ плотно закупоренной комнатѣ, и съ непремѣнною обязанностию принимать что нибудь черезъ два часа по столовой ложкѣ. Конечно, не все же были больные. Инымъ болѣть запрещали обязанности. Другихъ отставала богатырская ихъ натура. Но вотъ наконецъ сіяетъ солнце, и эта новость безспорно стоитъ всякой другой. Выздоровливающей колеблется; нерѣшительно снимаетъ кофакъ, въ раздумьи приводитъ въ порядокъ наружность и наконецъ соглашается пойти походить, разумѣется во всемъ вооруженіи, въ фуфайкѣ, въ шубѣ, въ галошахъ. Приятнымъ изумленіемъ поражаетъ его теплота воздуха, какая-то праздничность уличной толпы, оглушающій шумъ экипажей по обнаженной мостовой. Наконецъ на Певскомъ проспектѣ выздоравливающей глотаетъ новую пыль! Сердце его начинаетъ биться, и что-то, въ родѣ улыбки, кривитъ его губы, доселѣ вопросительно и недоувѣрчиво сжатая. Первая Петербургская пыль послѣ потопа грязи, и чего-то очень мокраго въ воздухѣ, конечно, не уступаетъ въ сладости древнему дыму отечественныхъ очаговъ, и гуляющей, съ лица котораго спадаетъ недоувѣрчивость, рѣшается наконецъ насладиться весною. Вообще, въ Петербургскомъ жителѣ, рѣшающемся насладиться весною, есть что-то такое добродушное и наивное, что какъ-то нельзя не раздѣлить его радости. Онъ даже, при встрѣчѣ съ приятелемъ, забываетъ свой обыденный вопросъ, *что новаго?* и замѣняетъ его другимъ, гораздо болѣе интереснымъ: *а каковы денекъ?* А ужъ извѣстно, что послѣ погоды, особенно когда она дурная, самый обидный вопросъ въ Петербургѣ — *что новаго?* Я часо замѣчалъ, что, когда два Петербургскихъ пріятели сойдутся гдѣ нибудь между собою, и поприѣтствовавъ обоному другу друга, спросятъ въ одинъ голосъ — *что новаго?* то какое-то пронзающее уныніе слышится въ ихъ голосахъ, какой бы интонаціей голоса не начался разговоръ. Дѣйствительно полная безнадежность налегла на этотъ Петербургскій вопросъ. Но всего оскорбительнѣе то, что часто спрашиваетъ человекъ совсѣмъ равнодушный, коренной Петербуржецъ, знающій совершенно обычай, знающій заранѣе, что ему ничего не отвѣтятъ, что нѣтъ новаго, что онъ уже, безъ малаго или съ небольшимъ, тысячу разъ предлагалъ этотъ вопросъ, совершенно безуспѣшно и потому давно успокоился; — но все таки спрашиваетъ, и какъ будто интере-

суется, какъ будто какое-то приличіе заставляетъ его тоже участвовать въ чемъ-то общественномъ и имѣть публичные интересы. Но публичныхъ интересовъ..... т. е. публичные интересы у насъ есть, не споримъ. Мы всѣ пламенно любимъ отечество, любимъ нашъ родной Петербургъ, любимъ поиграть колъ случится: однимъ словомъ много публичныхъ интересовъ. Но у насъ болѣе въ употребленіи *кружки*. Даже извѣстно, что весь Петербургъ есть не что иное какъ собраніе огромнаго числа маленькихъ кружковъ, у которыхъ у каждаго свой уставъ, свое приличіе, свой законъ, своя логика и свой оракулъ. Это, нѣкоторымъ образомъ, произведеніе нашего національнаго характера, который еще немного дичится общественной жизни и смотритъ домой. Къ тому же для общественной жизни пужно искусство, нужно подготовить такъ много условий — однимъ словомъ дома лучше. Тутъ натуральнѣе, не пужно искусства, покойнѣе. Въ кружкѣ вамъ бойко отвѣтятъ — на вопросъ *что новаго?* Вопросъ немедленно получаетъ частный смыслъ, и вамъ отвѣчаютъ или сплетнею или звѣкомъ или тѣмъ отчего вы сами цинически и патриархально звѣнете. Въ кружкѣ можно самымъ безмятежнымъ и сладостнымъ образомъ дотянуть свою полезную жизнь, между звѣкомъ и сплетнею, до той самой эпохи, когда гриппъ или гнилая горячка посѣтитъ вашъ домашній очагъ, и вы проститесь съ нимъ стоически, равнодушно и въ счастливомъ невѣденіи того какъ это все было съ вами доселѣ, и для чего такъ все было? Умирь въ потемкахъ, въ сумерки, въ слезливый безъ просвѣту день, въ полночь недоумѣній о томъ, какъ же это все такъ устроилось, что вотъ жилъ же, (кажется жилъ), достигъ кой-чего, и вотъ теперь такъ почему-то непремѣнно понадобилось оставить сей пріятный и безмятежный міръ, и переселиться въ лучшій. — Въ иныхъ кружкахъ впрочемъ сильно толкуютъ о дѣлѣ; съ жаромъ собирается нѣсколько образованныхъ и благонамѣренныхъ людей, съ ожесточеніемъ изгоняются всѣ невинныя удовольствія, какъ-то сплетни и преферансъ (разумѣется не въ литературныхъ кружкахъ) и съ непонятнымъ увлеченіемъ толкуются объ разныхъ важныхъ матеріяхъ. Наконецъ потолковавъ, поговоривъ, рѣшивъ нѣсколько общеполезныхъ вопросовъ, и убѣдивъ другъ друга во всемъ, весь кружокъ впадаетъ въ какое-то раздраженіе, въ какое-то непріятное расслабленіе. Наконецъ всѣ другъ на друга сердятся, говорится нѣсколько рѣзкихъ истинъ, обнаруживается нѣсколько рѣзкихъ и размахистыхъ личностей и — кончается тѣмъ, что все разпозаается, успокоивается, набирается крѣпкаго житейскаго разума, и мало по малу сбивается въ кружки перваго вышеописаннаго свойства. Оно конечно пріятно такъ жить; но наконецъ станетъ досадно, обидно досадно. Миѣ на-примѣръ, потому досадно на нашъ патриархальный

кружокъ, что въ немъ всегда образуется и выдѣляется одинъ господинъ, самаго несноснаго свойства. Этого господина вы очень хорошо знаете, господо. Имя ему легионъ. Это господинъ, имѣющій *доброе сердце*, и не имѣющій ничего кромѣ *добраго сердца*. Какъ будто какая диковинка, имѣть въ наше время доброе сердце! Какъ будто наконецъ такъ нужно имѣть его, это вѣчное доброе сердце! Этотъ господинъ, имѣющій такое прекрасное качество, выступаетъ въ свѣтъ въ полной увѣренности, что его добраго сердца совершенно достаточно ему, чтобы быть навсегда довольнымъ и счастливымъ. Онъ такъ увѣренъ въ успѣхѣхъ, что пренебрегъ всякимъ другимъ средствомъ, запасаясь въ житейскую дорогу. Онъ наиримѣръ ни въ чемъ не знаетъ ни узды ни удержу. У него все на распахку, все откровенно. — Этотъ человекъ чрезвычайно склоненъ вдругъ полюбить, подружиться и совершенно увѣренъ, что всѣ его тотчасъ же полюбятъ взаимно, собственно за одинъ тотъ фактъ, что онъ всѣхъ полюбилъ. Его доброму сердцу никогда и не снилось, что мало полюбилъ горячо, что нужно еще обладать искусствомъ заставить себя полюбить, безъ чего все пропало, безъ чего жизнь не въ жизнь, и его любящему сердцу, и тому несчастному, котораго оно наивно избрало предметомъ своей неуправляемой привязанности. Если этотъ человекъ заведетъ себѣ друга, то другъ у него тотчасъ же обращается въ домашнюю мебель, во что-то въ родѣ плевальницы. Все, все, *какая ни есть внутри дрянь*, какъ говоритъ Гоголь, все летитъ съ языка въ дружеское сердце. Другъ обязанъ все слушать и всему сочувствовать. Обмануть ли этотъ господинъ въ жизни, обмануть ли любовницею, проигрался ли въ карты, немедленно, какъ медвѣдь ломится онъ непрошенный въ дружескую душу, и изливаетъ въ нее безъ удержу всѣ свои пустяки, часто вовсе не замѣчая того, что у друга, у самого, лобъ трещитъ отъ собственной заботы, что у него дѣти померли, что случилось несчастье съ женой, что наконецъ онъ самъ, этотъ господинъ съ своимъ любящимъ сердцемъ, надоѣлъ какъ хрѣнъ своему другу, и что наконецъ деликатнымъ образомъ ему намекаютъ о превосходной погодѣ, которою можно воспользоваться для немедленной одинокой прогулки. Полюбить ли онъ женщину, онъ оскорбитъ ее тысячу разъ своимъ натуральнымъ характеромъ, прежде чѣмъ замѣтитъ это въ своемъ любящемъ сердцѣ; прежде чѣмъ замѣтитъ (если только онъ способенъ замѣтить) что эта женщина чахнетъ отъ любви его, что наконецъ ей гадко, противно быть съ нимъ, и что онъ отравилъ все существованіе ея, благодаря муромскимъ наклонностямъ своего любящаго сердца. Да! только въ уединеніи, въ углу, и болѣе всего въ кружкѣ, производится это прекрасное произведеніе природы, этотъ образецъ нашего строю материала, какъ говорятъ Аме-

риканцы, на который не пошло ни капли искусства, въ которомъ все натурально, все чистый самородокъ, безъ узды и безъ удержу. Забываетъ, да и не подозреваетъ такой человекъ въ своей полной невинности, что жизнь дѣло искусство, что жить значитъ сдѣлать художественное произведеніе изъ самого себя; что только при обобщенныхъ интересахъ, въ сочувствіи къ массѣ общества, и къ ея прямымъ непосредственнымъ требованіямъ, а не въ дремотѣ, не въ равнодушіи, отъ котораго раздается масса, не въ уединеніи, можетъ ошлифоваться въ драгоценный, въ неподдѣльный блестящій алмазъ, его кладъ, его капиталъ, его доброе сердце! Господи, Боже мой! Куда это дѣвались старинные злодѣи, старинныхъ мелодрамъ и романовъ, господа? Какъ это было пріятно, когда они жили на свѣтѣ! И потому пріятно что сейчасъ, тутъ же подъ бокомъ, былъ самый добродѣтельный человекъ, который наконецъ защищалъ невинность и наказывалъ зло. Эгогъ злодѣй, этотъ *tirano ingrato*, такъ и раждался злодѣемъ, совсѣмъ готовый по какому-то тайному и совершенно непонятному предопредѣленью судьбы. Въ немъ все было олицетвореніемъ злодѣйства. Онъ былъ еще злодѣемъ въ чревѣ матери; мало того: предки его, вѣроятно предчувствуя его появленіе въ міръ, съ намѣреніемъ избирали *фамилию*, совершенно соответственную социальному положенію будущаго ихъ потомка. И ужъ по одной фамилии вы слышали, что этотъ человекъ ходитъ съ ножомъ, и рѣжетъ людей, такъ себѣ, ни за копейку рѣжетъ, Богъ знаетъ для чего. Какъ будто бы онъ былъ машиной, чтобы рѣзать и кечъ. Хорошо это было! по крайней мѣрѣ понятно! А теперь, Богъ знаетъ объ чемъ говорятъ сочинители. Теперь, вдругъ, какъ-то такъ выходитъ, что самый добродѣтельный человекъ, да еще какой, самый неспособный къ злодѣйству, вдругъ выходитъ совершеннымъ злодѣемъ, да еще самъ не замѣчая того. И что досаднѣе всего, некому замѣтить того, не кому того рассказать ему, и смотришь, онъ живетъ долго, почтенно, и умираетъ наконецъ, въ такихъ почестяхъ, въ такомъ восхваленіи, что завидно становится, часто искренно и нѣжно оплакиваемый, и что смѣшнее всего, оплакиваемый своею же жертвою. А не смотря на то на свѣтѣ иногда бываетъ столько благоразумія, что рѣшительно не понимаешь, какимъ это образомъ могло оно все между насъ помѣститься? Столько его надѣлаю, въ досужій часъ, для счастья людей! Вотъ хоть бы наиримѣръ, случай на дняхъ: мой хорошій знакомый, бывшій добробродатель и даже немножко покровитель мой, Юліанъ Мастаковичъ намѣренъ жениться. Истинно сказать, трудно жениться въ болѣе благоразумныхъ лѣтахъ. Онъ еще не женился, ему еще три недѣли до свадьбы; но каждый вечеръ надѣваетъ онъ свой бѣлый жилетъ, парикъ, всѣ регалии, покушаетъ бу-

кетъ и конфекты, и ѣдитъ нравиться Глафирѣ Петровнѣ, своей невѣстѣ, семнадцати-лѣтней дѣвушкѣ, полной невинности и совершеннаго невѣденія зла. Она уже мысль о послѣднемъ обстоятельстве наводитъ самую слоеную улыбочку на сахарный уста Юліана Мастаковича. Нѣтъ, даже пріятно жениться въ подобныхъ лѣтахъ! Но моему, ужъ если все говорить, даже неблагоприятно дѣлать это въ юности, т. е. до тридцати пяти лѣтъ. Воробьян-ная страсть! А тутъ когда человекъ подъ пятьдесятъ — ослѣдность, приличіе, тонъ, округленность физическая и нравственная, — хорошо, право хорошо! и какая идея! человекъ жилъ, долго жилъ, и наконецъ стяжалъ..... И потому я былъ въ совершенномъ недоумѣніи, зачѣмъ это на дняхъ, Юліанъ Мастаковичъ, ходилъ по вечеру въ своемъ кабинетѣ, за-ложивъ руки за спину, съ такимъ тусклымъ и грязновато-кислымъ видомъ въ лицѣ, что если бы въ характерѣ того чиновника, который сидѣлъ въ углу того-жъ кабинета, пристроенный ко сто-пудовому сабшному дѣлу, было хоть что нибудь прѣснаго, то тотчасъ закисло бы, неминуемымъ образомъ, отъ одного взгляда его покровителя. Я только теперь понялъ, что это было такое. Миѣ бы даже не хотѣлось рассказывать; такое пустое, вздорное обстоятельство, которое и въ расчетъ не придетъ благо-родно-мыслящимъ людямъ. Въ Гороховой, въ четвертомъ этажѣ на улицу, есть одна квартира. Я еще когда-то хотѣлъ нанять ее. Квартиру эту снимаетъ теперь одна васьдательша; т. е. она была васьдательшей, а теперь она вдова и очень хорошая молодая дама; видъ ея очень пріятенъ. Такъ вотъ Юліанъ Мастаковичъ все терзался заботой, какимъ бы образомъ сдѣлать такъ, чтобы женившись, по прежнему ѣдить, хотя и по-рѣже, по вечерамъ, къ Софѣ Ивановнѣ, съ тѣмъ чтобы говорить съ нею объ ея дѣлѣ въ судѣ. Софья Ивановна, вотъ уже два года какъ подала одну просьбу, и ходатаемъ за нее Юліанъ Мастаковичъ, у котораго очень доброе сердце. Оттого то такіа морщины и набѣгали на солидное чело его. Но наконецъ онъ надѣлъ свой бѣлый жилетъ, взялъ букетъ и конфекты, и съ радостнымъ видомъ поѣхалъ къ Глафирѣ Петровнѣ. Бываетъ же такое счастье у человека, думалъ я, вспоминая о Юліанѣ Мастаковичѣ! Уже въ цвѣтѣ преклонныхъ лѣтъ своихъ, человекъ находитъ по-другу, совершенно его понимающую, дѣвушку семнадцати лѣтъ, невинную, образованную и только мѣсяцъ вышедшую изъ пансіона. И будетъ жить человекъ, и проживетъ человекъ въ довольствѣ и счастіи! Зависть вяла меня! На ту пору день былъ такой грязный и тусклый. Я шелъ по Сѣнной. Но я фельетонистъ, господа, я долженъ вамъ говорить объ новостяхъ, самыхъ свѣжихъ, самыхъ *жизнотрепещущихъ*, — пришлось употребить этотъ старинный, почтенный эпитетъ, вѣроятно, созданный въ той на-

деждъ, что Петербургскій читатель такъ и затрепещетъ радостью, отъ какойнибудь животрепещущей новости, на примѣръ, что *Женни Линдъ* ѣдетъ въ Лондонъ. Да что *Женни Линдъ* Петербургскому читателю! У него своего много такого..... Но своего нѣтъ, господа, рѣшительно нѣтъ. Я вотъ шелъ по Сѣнной, да обдумывалъ что бы такое написать. Тоска грызла меня. Было сырое туманное утро. Петербургъ всталъ злой и сердитый, какъ раздраженная свѣтская дѣва, пожелтѣвшая со злости на вчерашній балъ. Онъ былъ сердитъ съ ногъ до головы. Дурно ль онъ выпался, разлилась ли въ немъ въ ночь жолчь въ несоразмѣрномъ количествѣ, простудился-ль онъ и захватилъ себѣ насморкъ, проигрался-ль онъ съ вечера какъ мальчишка въ картишки, до того что пришлось на утро вставать съ совершенно пустыми карманами, съ досадою на дурныхъ, балованныхъ женъ, на дѣвницевъ грубіяновъ дѣтей, на небритую суровую араву прислужниковъ, на жидовъ-кредиторовъ, на негодяевъ совѣтниковъ, на вѣтчиковъ и разныхъ другихъ наушниковъ—трудно сказать; но только онъ сердился такъ, что грустно было смотрѣть на его сырую, огромную стѣну, на его мраморы, барельефы, статуи, колонны, которыя какъ будто тоже сердились на дурную погоду, дрожали и едва сводили зубъ объ зубъ отъ сырости, на обнаженный мокрый гранитъ тротуаровъ, какъ будто со зла разтрескавшійся подъ ногами прохожихъ, и наконецъ на самыя прохожихъ, блѣдно-зеленыхъ, суровыхъ, что-то ужасно сердитыхъ, болѣею частью красиво и тщательно выбритыхъ, и поспѣшавшихъ туда и сюда исполнить обязанности. Весь горизонтъ Петербургскій смотрѣлъ такъ кисло, такъ кисло..... Петербургъ дулся. Видно было, что ему страхъ какъ хотѣлось сосредоточить, какъ это водится въ такихъ случаяхъ у иныхъ гнѣвливыхъ господъ, всю тоскливую досаду свою на какомънибудь подвернувшемся постороннемъ третьемъ лицѣ, поссориться, распевавшись съ кѣмъ-нибудь окончательно, расцѣчь кого-нибудь на чемъ свѣтъ стоитъ, а потомъ уже и самому куда-нибудь обижать съ мѣста, и ни за что не стоять боже въ Ингерманландскомъ суровомъ болотѣ. Даже самое солнце, отлучавшееся на ночное время въ слѣдствіе какихъ-то, самыхъ необходимыхъ причинъ, къ антиподамъ, и спѣшившее было съ такою привѣтливою улыбкою, съ такою роскошною любовью, разцѣловаться съ своимъ больнымъ, балованнымъ дѣтпцемъ, остановилось на подорогѣ; съ недоумѣніемъ и съ сожалѣніемъ взглянуло на недовольнаго ворчуна, брюзгливаго, чахлаго ребенка, и грустно закатилось за свинцовыя тучи. Только одинъ лучъ свѣтлый и радостный, какъ будто выпросясь въ людямъ, рѣзво вылетѣлъ на мигъ изъ глубокой фюлетовой мглы, рѣзво заигралъ по крышамъ домовъ, мелькнулъ по мрачнымъ, отсырѣлымъ стѣ-

намъ, раздробился на тысячу искръ въ каждой каплѣ дождя, и исчезъ словно обидясь своимъ одиночествомъ,—исчезъ какъ внезапный восторгъ, не ираркомъ залетѣвшій въ скептическую Славянскую душу, котораго точчасъ же и устыдите и не признаетъ она. Тотчасъ же распространились въ Петербургѣ самыя скучныя сумерки. Билъ часъ по полудни, и городскіе куранты, казалось, сами не могли взять въ толкъ, по какому праву принуждаютъ ихъ бить такой часъ въ такой темнотѣ.

Тутъ мнѣ встрѣтились погребальная процессія, и я тотчасъ въ качествѣ фельетониста вспомнилъ, что гриппъ и горячка, почти современный Петербургскій вопросъ. Это были пышныя похороны. Герой всего поѣзда, въ богатомъ гробѣ, торжественно и чинно, ногами впередъ отправлялся на самую удобную въ свѣтѣ квартиру. Длинный рядъ капуциновъ, ломая пудовыми сапогами рассыпанный ельникъ, чадила смолой на всю улицу. Шляпа съ плюмажемъ, помѣщенная на гробѣ, этикетно гласила прохожимъ о чинѣ сановника. Регалии текли въ слѣдъ за нимъ на подушкахъ. Возлѣ гроба плакалъ на варыдъ, неутѣшный, уже весь посѣдѣвшій полковникъ, должно быть зять умершаго, можетъ быть и двоюродный братъ. Въ длинномъ ряду каретъ мелькали, какъ водится, натянуто-траурныя лица, шипѣла неумирающая сплетня, и весело смѣялись дѣти, въ бѣлыхъ плѣрезахъ. Мнѣ стало какъ-то тоскливо, досадно, и я, которому распекать совершенно некого, съ самою распекающею миною и даже съ глубоко-обиженнымъ видомъ, привѣтствовала любовь одного флегматически-разбитаго, на всѣ четыре ноги коня, стоявшаго смиренно въ ряду, уже давно дожевывающаго послѣдній кусокъ сѣна, украденный съ сосѣдняго воза, и рѣшившагося отъ нечего дѣлать съострить, т. е. выбрать самого суроваго и занятаго прохожаго, (за котораго онъ вѣроятно призналъ меня), легонько ухватить за воротникъ или рукавъ, потянуть къ себѣ, и потомъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало, показать мнѣ вздрогнувшему и вспрыгнувшему отъ тоскливой утренней думы, свою добродѣтельную и бородастую морду. Бѣдная кляча! Я пришелъ домой и расположился было писать мою лѣтопись, но самъ не знаю какъ раскрылъ журналъ и началъ читать одну повѣсть.

Въ этой повѣсти описывалось одно Московское семейство средняго, темнаго круга. Тамъ толковалось тоже и про любовь, но про любовь я не люблю читать, господа, не знаю какъ вы. И я какъ будто перенесся въ Москву, въ далекую родину. Если вы не читали этой повѣсти, господа, то прочтите ее. Что же въ самомъ дѣлѣ, что же такого сказать вамъ новаго лучшаго? Что на Невскомъ проспектѣ процвѣтаютъ новые omnibusы, что Нева занимала всѣхъ всю недѣлю, что въ салонахъ еще продолжаютъ вѣвать, въ положенные дни, съ нетерпѣніемъ

ожида лѣта. Это что ли? Но вамъ это уже давно наскучило самимъ, господа. Вы вотъ прочли описание одного сѣвернаго утра. Не правда ли; вѣдь довольно тоски? Такъ прочтите въ ненастный часъ, въ такое же ненастное утро, эту повѣсть объ маленькомъ Московскомъ семействѣ, и объ разбитомъ фамильномъ зеркалѣ. Я какъ будто видѣлъ еще въ моемъ дѣтствѣ эту бѣдную Анну Ивановну, мать семейства, да и Ивана Кириллыча знаю. Иванъ Кирилловичъ добрый человекъ, только подъ веселый часъ, подъ куражемъ любить равныя шуточки. Вотъ напримѣръ жена его больная и все смерти боится. А онъ при людяхъ начнетъ смѣяться, и стороною для шутки рѣчь заводитъ, какъ онъ въ другой разъ женится когда овдовѣетъ. Жена крѣпится, крѣпится, засмѣется, съ натуги, что дѣлать, такой ужъ характеръ у мужа. Вотъ разбился чайникъ; правда денегъ стоитъ; но при людяхъ все такъ совѣстно когда мужъ начнетъ стыдиться и попрекать за неловкость. Вотъ настала и масляница. Ивана Кирилловича не было дома. Собралось на вечеръ, какъ будто украдкой, много молодыхъ подружекъ къ старшей дочери Олинкѣ. Тутъ было тоже много молодыхъ мужчинъ, были такіе рѣзвые дѣти; былъ еще одинъ Павелъ Лукичъ, который такъ и просится въ Романъ Вальтеръ-Скотта. Взаблутили всѣхъ этотъ Павелъ Лукичъ и затѣялъ въ жмурки играть. Какъ будто предчувствовала больная Анна Ивановна; но увлеченная общимъ желаніемъ разрѣшила жмурки. Ахъ, господа, точно пятнадцать лѣтъ назадъ когда я самъ игралъ въ жмурки! Что за игра! И этотъ Павелъ Лукичъ! Не даромъ Сашинька, черноглазая Олинкина подружка, шепчетъ прижимаясь къ стѣнѣ, и дрожа отъ ожиданія, что она пропала. Такъ страшень Павелъ Лукичъ, а онъ съ завязанными глазами. Случилось такъ, что меньшія дѣти забились въ уголъ подъ стулъ и зашумѣли у зеркала; Павелъ Лукичъ ринулся на шумъ, зеркало покачнулось, сорвалось съ ржавыхъ петель, черезъ его голову полетѣло на полъ и разбилось въ дребезги. Ну! когда я читалъ, какъ будто я разбилъ это зеркало! будто я былъ во всемъ виноватъ. Анна Ивановна поблѣднѣла; всѣ разбѣжались, на всѣхъ напалъ паническій страхъ. Что-то будетъ? Я съ нетерпѣніемъ и страхомъ ожидалъ прихода Ивана Кирилловича. Я думалъ объ Аннѣ Ивановнѣ. Вотъ въ полночь онъ возвратился хмѣльной. На встрѣчу ему на крыльцо вышла змѣя наушница бабушка, Московскій старинный типъ, и что-то нашептала, вѣроятно о приключившемся несчастіи. Сердце мое начало биться, и вдругъ гроза началась, сначала съ шумомъ и громомъ, потомъ стихая, стихая; я услышалъ голосъ Анны Ивановны, что то будетъ? Черезъ три дня она лежала въ постели, черезъ мѣсяцъ умерла въ злой чахоткѣ. Такъ какъ же такъ, отъ разбитаго зеркала? Да развѣ это возможно? Да; а однакожъ

она умерла. Какая-то Диккенсовская прелесть разлита въ описаніи послѣднихъ минутъ этой тихой, безвѣстной жизни! Хорошъ и Иванъ Кирилловичъ. Онъ почти съума сошелъ. Онъ самъ бѣгалъ въ аптеку, ссорился съ докторомъ и все плакалъ о томъ на кого это жена его оставляетъ! Да, много припомнилось. Въ Петербургѣ тоже очень много такихъ семействъ. Я лично зналъ одного Ивана Кирилловича. Да и вездѣ ихъ довольно. Я къ тому заговорилъ, господа, объ этой повѣсти, что самъ намѣренъ былъ вамъ рассказать одну повѣсть..... Но до другаго разу. А кстати о литературѣ. Мы слышали, что многие очень довольны зимнимъ литературнымъ сезономъ. Крику не было, особенной бойкости и споровъ зубъ за зубъ тоже; хотя явилось нѣсколько новыхъ газетъ и журналовъ. Все какъ-то дѣлается серьезнѣе, строже; во всемъ болѣе стройности, зрѣлости, обдуманности и согласія. Правда, книга Гоголя надѣяла много шуму въ началѣ зимы. Особенно замѣчательнъ единодушный отзывъ о ней почти всѣхъ газетъ и журналовъ, постоянно противорѣчащихъ другъ другу въ своемъ направленіи.

Виноватъ, забылъ главное. Все время какъ рассказывалъ помнилъ, да вышло изъ памяти. Эрнстъ даетъ еще концертъ; сборъ будетъ въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ и Германскаго благотворительнаго Общества. Мы и не говоримъ, что театръ будетъ полонъ, мы въ этомъ увѣрены.

О. Д.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Весна! весна!..... Солнце начинаетъ искренно озарять и согрѣвать оледѣвшую землю сѣвера, термометръ почти не упадетъ до точки замерзанія, а барометръ даже указываетъ иногда на beau temps! Вотъ сколько признаковъ весны; но главное, въ воздухѣ начинаетъ распространяться теплота, и соединенныя силы природы разломали наконецъ ледъ на Невѣ: величественная рѣка напала тронулась съ 22 на 23 число Апрѣля, и любопытныя толпы съ какимъ-то радостнымъ чувствомъ сходятся на гранитные берега ея. Есть что-то живое въ этомъ внезапномъ движеніи ледяной громады, которую несутъ на себѣ быстрыя волны огромной рѣки; жизнь является тамъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ видѣли вы только мертвую неподвижность! Каждый годъ возобновляется это зрѣлище, и каждый годъ жители сѣвера съ любопытствомъ глядятъ на вскрытіе рѣкъ, самый вѣрный признакъ воскресенія природы. Оно любопытно, одушевительно и въ физическомъ и даже въ нравственномъ отношеніи. Лдины равныхъ формъ и величины плывутъ, сталкиваются, спира-

ются, дробятся, спорятъ и шипятъ, точно какъ люди на другихъ волнахъ, больше разнообразныхъ и непостижимыхъ, и все это стремится куда-то, спѣшитъ, уплываетъ безвозвратно, волны въ свои заливы, моря, океаны; люди..... Но мы замечались глядя на Невскія волны, которыя такъ долго не показывали себя Петербургу, оставаясь подъ ледянымъ покровомъ почти до крайняго срока. Съ 1748 года, когда начаты наблюденія надъ вскрытіемъ и замерзаніемъ Невы, въ теченіе 128 лѣтъ, только 8 разъ вскрывалась она позднѣе нежели въ нынѣшнемъ году, два раза въ тотъ же день, 23 числа, и 118 разъ раньше. Самое позднее вскрытіе ея было въ 1810 году, 30 числа Апрѣля. Все даетъ намъ право назвать нынѣшнюю веспу одною изъ самыхъ позднихъ, какія только помнятъ немногіе изъ Петербургскихъ старожиловъ. Пора, пора отдохнуть отъ упорныхъ холодовъ, отъ непогоды во всѣхъ ея видахъ, и отъ этихъ несносныхъ простудъ, грипповъ, кашлей, которые исчезнуть вмѣстѣ съ Невскимъ льдомъ. Между тѣмъ какъ Нева сама уноситъ ледяную кору свою, изъ каналовъ, изъ Фонтанки, Мойки гонять ледъ насильно, выпроваживаютъ баграми, шестами, палками, точно какъ невѣжливаго, надѣвшаго хозяевамъ гостя. Ледъ особенно задерживается у мостовъ, и тутъ бываетъ съ нимъ самая любопытная война: неустрашимые непріатели гонять его всѣми изобрѣтенными для того орудіями, а любопытные зѣваки смотрятъ съ мостовъ и набережныхъ на эти весенніе подвиги. Бѣдные мы, жители сѣвера!..... Жители южныхъ губерній нашихъ давно наслаждаются теплымъ воздухомъ, зеленью садовъ и рошей, и даже благоуханіемъ цвѣтовъ, а мы еще смотримъ, какъ у насъ гонять ледъ палками и баграми!..... Но, скоро, съ плечъ долой и шубы, и сужденія о погодѣ: мы забудемъ ихъ на очаровательныхъ островахъ нашихъ, и подъ прекрасною тѣнью Царскосельскихъ, Павловскихъ и Петергофскихъ садовъ!

Между тѣмъ городская жизнь продолжается, еще почти со всѣми зимними увеселеніями. Театръ, ослѣпленный послѣ отъѣзда Итальянскихъ соловьевъ за границу и несравненной *Плесси* въ Москву, оживился нѣсколькими новыми пьесами, привлекаящими въ Александринскій театръ много посѣтителей. Особенно нравится тамъ остроумная пьеска: *Модныя Петербургскія леченія*, написанная игривымъ перомъ автора *Пяттобиса* и *Мыльныхъ пузырей*. Онъ почти одинъ изъ нашихъ драматическихъ писателей постигъ интересъ *современности*, и заимствуя свои пьесы изъ современной жизни, можетъ всегда ожидать вѣрнаго успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, не дали же мы обѣта жить и восхищаться только Парижскимъ остроуміемъ! У насъ есть своя жизнь, свои событія, которыя могутъ вдохновлять поетовъ, и свои смѣшныя стороны, которыя способны пробуждать